

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.08

Правильная ссылка на статью:

Соколова Е. К. Разделенная близость: новые форматы аутентичного движения в рунете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 138—155. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.08.

For citation:

Sokolova E. K. Closeness at distance: new formats of authentic movement in runet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 138—155. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.08.

Е. К. Соколова

РАЗДЕЛЕННАЯ БЛИЗОСТЬ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ АУТЕНТИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В РУНЕТЕ

РАЗДЕЛЕННАЯ БЛИЗОСТЬ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ АУТЕНТИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В РУНЕТЕ

CLOSENESS AT DISTANCE: NEW FORMATS OF AUTHENTIC MOVEMENT IN RUNET

СОКОЛОВА Елена Константиновна — аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия.

E-MAIL: elena.k.sokolova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4884-5446

Elena K. SOKOLOVA¹ — Postgraduate student

E-MAIL: elena.k.sokolova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4884-5446

¹ Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья исследует трансформацию форматов практики аутентичного движения, происходящую в связи с развитием интернета и социальных сетей. Возможности интернета бросают вызов базовым принципам практики, таким как очное соприсутствие движущегося и свидетеля, ограничение

Abstract. The article explores the transformation of authentic movement formats following the development of the Internet and social networks. The Internet offers a range of possibilities that challenge basic principles of authentic movement such as the mover and the witness physical co-presence, time and

времени и пространства практики. Возникает исследовательская гипотеза о возможном цифровом разрыве, а также интерес к тому, как происходит цифровая интеграция. На эмпирическом материале рассматривается разнообразие поведенческих стратегий в отношении использования интернета в связи с аутентичным движением в русскоязычной среде. В качестве примеров приводятся форматы онлайн-сессии и соло, движения в одиночестве с последующей рефлексией и поддержкой виртуальной группы. В фокусе внимания исследования находится качественный аспект отношений человека и технологий, который теоретизируется в рамках постфеноменологии Дона Айди. Насколько интернет позволяет расширять или, наоборот, редуцирует телесно-чувственный опыт практиков аутентичного движения? Как развиваются отношения в цифровой среде в рамках такой практики, где безопасность, доверие и близость оказываются критичными?

Ключевые слова: интернет, социальные сети, телесность, аутентичное движение, постфеноменология

space limits. A hypothesis arises on possible digital divide while digital integration process attracts researchers' attention. Using empirical data, different behavioural strategies in Internet are studied among Russian-speaking practitioners of authentic movement. Formats such a regular pair session conducted online and a solo movement session supported by a virtual group are given as examples. The authors focus on the qualitative aspect of human-technology relationships theorized in Don Ihde's works on postphenomenology. Whether the Internet enlarges or reduces authentic movers' bodily and sensory experience? How digital environment affects relationships in authentic movement, where security, trust and intimacy must to be crucial?

Keywords: Internet, social networks, corporality, authentic movement, postphenomenology

«Я знаю, что очень долгое время была человеком вне социальных сетей <...> и мне было абсолютно комфортно. Но потом больше распознать <...> что сейчас интернет становится площадкой продвижения проектов, и если чего-то нет в интернете, значит этого нет в природе»
Из архива интервью автора, 2017 г.

Введение

В современной технооптимистической среде, как государственной¹, так и предпринимательской², принято размышлять о том, как технологии меняют мир. Тем

¹ Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/nti/> (дата посещения: 10.02.2018).

² Think with Google UK 2017 on Catch Up: Watch the Recording. Think with Google [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/en-gb/advertising-channels/search/think-google-uk-2017-catch-watch-recording/> (дата посещения: 10.02.2018).

не менее не только технологии трансформируют практики, можно также наблюдать обратный процесс, когда практики наполняют смыслом технологии [Miller et al., 2016]. Интерес представляют исследования отношений между человеком и технологиями. В качестве актуальных примеров теоретических подходов можно привести акторно-сетевую теорию — фиксирование цифровых следов [Латур, 2014] и постфеноменологию — попытку вскрыть суть этих отношений, описать их качество и типологию [Ihde, 1975]. Важную роль здесь могут играть качественные методы, в том числе цифровая этнография, используемая как специфический метод работы в цифровом поле [Boellstorff et al., 2012] и предоставляющая возможность объединять разные поля [Pink et al., 2015].

Настоящая работа посвящена интернет-практикам — тому, как именно используются технологии (на примере конкретных кейсов). В качестве объекта выбраны практика аутентичного движения и сообщество ее русскоязычных последователей. В статье рассматривается, как используется интернет в связи с этой практикой, а также отмечается появление новых форматов практики, связанных с опосредованным технологиями присутствием, ставшим возможным благодаря развитию интернета и распространением социальных сетей. Выбранное направление представляет интерес, поскольку позволяет рассматривать различные аспекты телесности и технологий в их взаимосвязи: аутентичное движение — это прежде всего телесно-ориентированная практика, истоки которой восходят к работе американской танцовщицы и психотерапевта Мэри Старкс Уайтхаус, изучавшей природу движения [Whitehouse, 1999b]. В аутентичном движении обнаруживается близкое постфеноменологии понимание присутствия как прямого опыта, возникающего в процессе отношений, но предлагается также расширенный инструментарий описания телесного опыта и его трансформации [Соколова, 2018].

Как «простая форма самонаправленного движения»³, аутентичное движение может существовать в виде отдельного направления [Adler, 2002] или совмещаться с другими практиками, например, терапией [Chodorow, 1991]. Работающее в рамках реляционной онтологии, аутентичное движение, как правило, требует наличия движущегося и свидетеля — таким образом, классические форматы подразумевают очное взаимодействие двух и более человек, а также ограничение времени и пространства практики. Возможности интернета существенным образом трансформируют эти базовые принципы, и в связи с этим мы рассмотрим две тематические линии. Первая касается исследования сообщества практиков аутентичного движения и разнообразия поведенческих стратегий в отношении интернета. Вторая тематическая линия фокусируется на исследовании новых цифровых форматов практики. В качестве конкретных кейсов будут приведены peer-to-peer онлайн сессия, а также группы в социальных сетях, практикующие соло — движение в одиночестве, с последующей рефлексией и поддержкой виртуальной группы.

На примере ситуационного использования интернета практиками аутентичного движения есть возможность исследовать качественный аспект отношений человека и технологий, попытаться выяснить, почему люди обращаются к интернету

³ Authentic Movement Community [Электронный ресурс]. URL: <https://membersam.org> (дата посещения: 10.02.2018).

в случае телесно-ориентированной, закрытой и нишевой офлайн-практики, как это ее трансформирует, какой опыт это дает участникам. Насколько интернет позволяет расширять или, наоборот, редуцирует телесно-чувственный опыт практиков аутентичного движения? Можно ли наблюдать появление квазидругого в виде виртуальной группы поддержки? Как развиваются отношения в цифровой среде в рамках такой практики, где безопасность, доверие и близость оказываются критичными?

Теория

В качестве теоретической рамки работы используется постфеноменология американского философа Дона Айди, «модифицированная, гибридная феноменология» [Ihde, 2007: 23]. В истоках этого направления Айди обращается к философии технологии, но ему крайне важен опыт технологий [Ihde, 1979: 3], который разворачивается в отношениях человека с технологиями и, таким образом, он приходит к феноменологии техники: instrumentation [Ihde, 1979: 16], technic [Ihde, 1998]. Особенностью подхода является эмпирический разворот, «конкретные эмпирические исследования технологий во множественном числе» [Ihde, 2007: 23]. Среди работ Айди можно найти различные исследования сенсорного опыта: например, звука, визуального опыта [Ihde 1998; 2007].

Во-первых, интерес представляет постфеноменологическая типология отношений между человеком и технологиями, изложенная Айди в ряде работ [Ihde 1975; 1979; 2007], развиваемых в настоящее время его последователями в рамках Science & Technology Studies (например, [Verbeek, 2005]). Классификация Айди включает в себя четыре базовых типа: отношения воплощения (embodiment relations), герменевтические отношения (hermeneutic relations), отношения несхожести (alterity relations) и фоновые отношения (background relations) [Ihde, 2009: 42]. Фербеек обращает внимание на то, что Айди выделяет опосредованное (mediated) восприятие и неопосредованное (unmediated) опыта. Поэтому он относит первые два типа классификации к отношениям опосредования, определяя их как «отношения с артефактами, в которых они опосредуют отношения людей с их миром» [Verbeek, 2005: 125]. Простым примером отношений воплощения, когда технологии включаются в опыт, изменяя телесно-чувственное восприятие, могут быть очки. Фербеек отмечает возможность проницаемости подобных технологий: «Когда я ношу очки, я смотрю не на них, а сквозь них на мир. Я надеваю очки — и они исчезают из моего восприятия» [ibid.: 125]. В качестве примера второго набора опосредованных отношений, герменевтических отношений, когда «мир воспринимается не через артефакт, а посредством его», и требуется интерпретация, он приводит градусник [ibid.: 126]. Отношения несхожести «вовлекают технологии как таковые как квазиобъекты или квазидругих»; а фоновые отношения возникают в ситуации, когда технологии — это «просто часть нашей среды» [Ihde, 2009: 42]. Попытка соотнесения эмпирического материала с приведенной типологией кажется нам ресурсной.

В качестве дополнительной оптики для целей исследования отношений опосредования будет использоваться теория масштабируемой социальности (scalable sociality) Дениэла Миллера, которая во многом наследует теории полимедиа

(polymedia) [Borgerson, Miller, 2016: 5]. Полимедиа определены как «появляющаяся среда коммуникативных возможностей, функционирующая как «интегрированная структура», в которой каждый отдельный носитель определяется в относительных терминах в контексте всех других медиа» [Madianou, Miller, 2013: 170], тогда как последующая теория масштабируемой социальности оперирует конкретными переменными, такими как размер группы и степень приватности [Miller et al., 2016].

Во-вторых, необходимо отметить работы Айди, посвященные телу и телесности, где он исследует различные концепции тел: как телесность феноменологического живого тела, так и культурных конструкторов, связанных с телом, к которым он относит технологические аспекты воплощения [Ihde, 2001]. Например, он обращается к вопросам виртуальности тела (virtual bodies). При этом фокус его внимания включает не только цифровые тела, но и нетехнологическую виртуальность, что описывает исследуемые в работе кейсы.

Методология

Работа включает полевые материалы по практике аутентичного движения, основанные на длительном (полтора года) включенном наблюдении офлайн и онлайн, а также серии интервью с русскоязычными практиками. Специально для подготовки статьи были взяты дополнительные интервью с ведущими виртуальных групп в формате соло в социальных сетях, а также практикующими парный формат онлайн. В качестве одного из кейсов сессии соло был проведен анализ открытых ресурсов интернета.

В подходах к изучению интернет-практик сформировалось широкое методологическое разнообразие. Выбор может зависеть в том числе от того, что сам исследователь формулирует как поле. Например, существуют исследования виртуальных миров как таковых — этнография игровых миров (например, [Nardi, 2010]), профилирование в социальных сетях (например, [Kosinkı, 2013]). В этих достаточно разных примерах общее то, что информация полностью собирается онлайн: мы исследуем виртуальное поле в виртуальном поле. На другом конце спектра представлены работы в русле классической этнографии, например, проекты команды Миллера⁴, подразумевающие в числе прочего 15 месяцев офлайн-присутствия антрополога в конкретной географической точке, а также традиционного офлайн-взаимодействия с сообществом, которое изучается. Между этими двумя крайними позициями есть множество промежуточных, которые составляют основное большинство.

Поскольку в настоящей работе речь идет об интернет-практиках и форматах, исследовались онлайн-ресурсы — сайты, блоги, открытые паблики, профили и группы в социальных сетях: Facebook, Instagram, «ВКонтакте». На наш взгляд, одной цифровой этнографии, анализа текстов и тэгов для целей работы, намеревающейся исследовать суть отношений между человеком и технологиями, было бы недостаточно. Необходимо также понимание ситуации на уровне закрытой для глаз постороннего наблюдателя части интернета, которая, как показывает исследование, имеет свое место. Требуется также глубокое прояснение причин,

⁴ См. UCL ASSA [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/assa> (дата посещения: 10.02.2018); Why we post [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucl.ac.uk/why-we-post> (дата посещения: 10.02.2018).

по которым участники прибегают к технологической медиации, а также подробное обсуждение этого опыта. В этой связи работа во многом опирается на длительное погружение в изучаемую среду, включенное наблюдение (включенную практику), а также интервью.

Важна этическая сторона исследования. В аутентичном движении существуют правила, касающиеся конфиденциальности. Прежде всего они обусловлены стремлением обеспечить безопасность практики, имеющей дело с глубоко личным материалом. Так, роль движущегося подразумевает, что именно он является «хозяином своего опыта» [из интервью], и несмотря на то что группы аутентичного движения могут относиться к правилам свидетельствования по-разному, выносить информацию о конкретных процессах за их рамки без разрешения запрещается в подавляющем большинстве случаев. Подобная конфиденциальная информация, как правило, остается в стенах помещения практики, распространяясь только с разрешения, что соотносится с особой культурой аутентичного движения. По этой причине в рамках цифрового поля были изучены исключительно открытые источники, а интервью анонимизированы, за исключением нескольких цитат, на публикацию которых получено разрешение.

Также отметим, что поле было сознательно ограничено критерием использования русского языка: несмотря на разнообразную географию актуального присутствия, а также этническую и гражданскую принадлежность, в объектив исследования были включены практики аутентичного движения, говорящие и пишущие по-русски.

Ресурсы аутентичного движения в рунете

Практика аутентичного движения — не массовое явление. Как правило, это ниша для тех, кто готов в закрытом формате погружения в прямой опыт присутствия, прежде всего телесного, нарабатывать навыки годами. Тем не менее в интернете на русском языке можно обнаружить целый ряд ресурсов, поддерживаемых от лица институтов, сообществ, преподавателей и практикующих. В последние несколько лет активность все больше мигрирует с сайтов в социальные сети и использует цифровую peer-to-peer коммуникацию: рассылки, группы, чаты. Например, сайт сообщества русскоязычных практикующих не обновлялся с 2015 г., хотя ежегодные лаборатории продолжают собираться и активно обсуждаться через соответствующую группу в Google+, а отчеты выкладываются на белорусском сайте лаборатории. Об интересе к практике в русскоязычных сегментах соцсетей, таких как Facebook, Instagram, «ВКонтакте» и других, можно судить по пабликам и группам с сотнями участников: например, «Аутентичное Движение с Ниной Кунгуровой» во «ВКонтакте» (1316 участников) и на Facebook (подписано 714 человек), «Пространство Аутентичного Движения» на Facebook (412 участников)⁵.

В открытых ресурсах сети публикуется информация о практике общего характера, ссылки, в том числе на международные ресурсы, анонимные и персонализированные отзывы, фото- и видеоматериалы, анонсы мероприятий. Библиотеки

⁵ Количественная информация здесь и далее приводится на момент подготовки статьи.

с литературой о практике есть на сайтах и в группах, зарубежные материалы переводятся, зачастую коллективно, пишут и сами русскоязычные практики. Помимо ресурсов для широкой аудитории существуют программы, посвященные изучению аутентичного движения в терапии, например, сайты «Ассоциация танце-двигательной терапии» и «Институт интегративной работы с телом и двигательной терапии Линды Хартли». Информация об аутентичном движении активно распространяется — материалы обновляются, число подписавшихся на ресурсы растет, но при этом практика в подавляющем большинстве случаев остается в рамках весьма ограниченных групп, проводимых офлайн, где «ограничение происходит не из-за отсутствия желающих, а из-за требования самой практики» [из переписки]. Кажущаяся непропорциональность медиаохвата и нишевой офлайн-практики заставляет задаться вопросом о мотивации тех, публикует материалы.

Наиболее часто среди главных причин, по которой информация об аутентичном движении размещается в сети, называется популяризация. Иногда звучат такие слова, как «реклама», «продвижение программ» [из интервью], но зачастую популяризация подразумевает персональный интерес к практике и желание делиться: «мне, как ведущей, той, кто практикует внутри этой практики, хочется ее поддерживать <...> распространяя» [из интервью]. Такую позицию можно наблюдать не только со стороны ведущих, но и со стороны практикующих, и поскольку она состоит в том, чтобы транслировать свой опыт, делиться с другими, то может выражаться в том числе в виде постов в социальных сетях — фотографиях, отзывах, историях.

Находятся практикующие, которые готовы публиковать информацию на своих страницах или страницах открытых групп. Некоторые доверяют другим «увидеть их» через «глаз» объектива камеры и поделиться своим свидетельством. Есть те, кто расширяет собственные границы контроля и готов к решительным, по сравнению с традиционной закрытой группой, шагам. Например, в одной из открытых групп еженедельно размещаются фотографии процессов, а также рефлексии в виде слов, изображений и других форм творчества: «Если вам есть что сказать, надо это говорить, не важно каким способом <...> это же затрагивает кого-то» [из интервью]. Радикальность принятия своего опыта как практика офлайн может переноситься онлайн, «чтобы ничего не скрывать, не оценивать свое творчество, не пытаться показать миру что-то получше» [из интервью]. Так опыт интегрируется, не разделяя технологическую виртуальность и то, что принято считать актуальной средой.

Можно встретить разные определения мотивации к тому, чтобы делиться информацией в сети: от таких конструктов как «инфо-бизнес» до «страсти» и различных форм перформативного искусства, возможны и варианты их совмещения. Чтобы попытаться объяснить такое разнообразие, необходимо принять во внимание, что аутентичное движение изначально возникло как поиск истоков движения *in-depth movement* Мэри Старкс Уайтхаус [Whitehouse, 1999b], и продолжает развиваться: движущийся закрывает глаза, и он не знает, что будет дальше, какой опыт возникнет; свидетель этого также не знает, и готов принять то, что случится в процессе. Эксперимент — это суть практики, которая развивается и распадается на школы и отдельные направления, совокупность множества которых представляет собой современное аутентичное движение.

Выход за пределы времени и пространства практики в этом смысле может быть одним из возможных направлений развития.

В терминах постфеноменологии речь идет об отношениях опосредования, а именно об отношениях воплощения, в которых, благодаря целому набору технологий, таких как интернет, социальные платформы, программы и приложения, гаджеты, появляются новые технологические возможности, позволяющие расширять опыт человека. В данном случае, эти возможности обеспечивают как обмен информацией внутри сообщества практиков, так и выход за рамки практикующих в группе и обращения к массовой аудитории, которая недоступна офлайн. Интернет расширяет возможности популяризации и коммуникации, становится той средой, где коммуникация происходит. Информация выходит за пределы зала для практики, виртуально погружая в этот опыт через тексты и визуальные материалы не только тех, кто целенаправленно искал его, но и, заодно, массовую аудиторию социальных сетей. Посредством массовых цифровых каналов открытость практики растет, таким образом, можно столкнуться с аутентичным движением в пространстве сети, стать виртуальным свидетелем.

Но есть и другая сторона, поскольку в такой глубоко личной практике, как аутентичное движение, не каждый готов делиться онлайн собственными переживаниями или фотографиями и тем более делать это за других, что напрямую связывается с базовым пониманием безопасности практики. По-прежнему большая часть того, что представляет собой аутентичное движение, остается вне пространства интернета и не может быть исследовано через ресурсы открытого доступа, поскольку даже среди тех, кто пользуется этими ресурсами, подавляющее большинство практикует офлайн, а в интернете только размещает выборочную информацию постфактум. Практика требует близости, поскольку проистекает в отношениях: «аутентичное движение, сострадательное свидетельство того, как движение становится осознанным, это процесс, возникающий в отношении между движущимся и свидетелем»⁶. За редкими исключениями практика аутентичного движения разных школ и направлений продолжает происходить офлайн, а интернет используется на разных уровнях публичности, что вполне соответствует модели масштабируемой социальности Д. Миллера. С одной стороны, наблюдается тенденция к расширению аудитории, и это происходит при помощи выборочного контента на публичных ресурсах интернета, прежде всего в социальных сетях. С другой стороны, также имеет место закрытая peer-to-peer коммуникация и общение в каналах, рассчитанных только на практикующих аутентичное движение: чаты, рассылки, закрытые или даже секретные группы, численность которых иногда может быть ограничена размером конкретной офлайн-группы. Необходимо отметить, что появляющиеся онлайн-форматы также могут быть описаны моделью масштабируемой социальности, более того, в некотором смысле личный опыт практики в онлайн-формате становится еще более личным и закрытым, в том числе от привычного свидетельства, технологические возможности которого пока сильно ограничены — речь об этом пойдет ниже.

⁶ Discipline of Authentic Movement [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disciplineofauthenticmovement.com/discipline-of-authentic-movement-description.html> (дата посещения: 10.02.2018).

Практика на расстоянии

Виртуальные форматы в аутентичном движении имеют многолетнюю международную традицию. В качестве примера можно привести празднование Международного дня аутентичного движения, который проводится ежегодно в день рождения основательницы, «бабушки аутентичного движения» Мэри Старкс Уайтхаус. Группы собираются офлайн, часто в разное время, но один день — во многих городах и странах, а сам процесс движения происходит с осознанием общности. Виртуальное соприсутствие представляется как ритуал, который снимает барьеры разделенности практикующих. Ниже приводится стихотворение Александра Гирсона, написанное по итогам одного из таких процессов.

Hello Mary
в белом домике все хорошо
свечи горят
пахнут цветы
глаза закрыты

Hello Mary
немного правды
не повредит никому
вечер спускается в город
и зажигает тьму

Hello Mary
в самой глубине
простого движения
есть благословение
и больше ничего
нет

Информацию, анонсы групповых собраний, материалы процессов можно также найти в сети. Например, согласно паблику на Facebook, в 2017 г. в пространстве бывшего СССР в праздновании отметились группы из таких городов, как Казань, Курган, Алматы, Воронеж, Ухта, Харьков, Москва, Самара, Ижевск, Екатеринбург, Уфа, Питер, Минск⁷.

Еще один формат представлен открытыми сессиями на встречах групп, сообществ и лабораторий, к которым можно присоединиться. Иногда для этих целей может использоваться интернет (трансляция), или же процесс может происходить исключительно виртуально, когда практика проходит в одно и то же время, но участники сессии не видят друг друга. К процессам могут присоединяться не только группы, но и индивидуальные практикующие. По результатам может

⁷ Аутентичное Движение с Ниной Кунгуровой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/456697857762908/photos/a.457063047726389.1073741828.456697857762908/1403412206424797/?type=3&theater> (дата посещения: 10.02.2018).

происходить обмен рефлексией, в группах в виде очной коммуникации, а между группами — почтой, чатами или в социальных сетях.

Вышеописанные форматы — особые, специальные, но есть примеры, когда практикующие пытаются использовать технологии для своих обычных форматов, например, процессов в паре. Такая ситуация может иметь место, например, когда участники уже обладают опытом и желанием практиковать, но по тем или иным причинам не могут делать это очно. Пример, относящийся к 2000 г., описывает практику на расстоянии Полы Сэджер и Элизабет Хэмлин, которых интересовало, «как слова обретают форму из звука, жеста, спокойствия и пустоты, возникающих из внутреннего фокуса» [Hamlin-Haims, Sager, 2002: 17]. Такая практика была воспринята участницами как «еще один способ исследовать движение, свидетельствование и письмо из состояния телесного присутствия», при этом «необязательно как замена физического внешнего свидетеля, группы, или обучающей программы» [ibid.: 19]. Сэджер описывает свой опыт как «связующую нить через время и пространство» [ibid.: 18], что нашло отражение в названии книги «Красная нить, две женщины», изданной небольшим тиражом. В 2009 г. дистанционная сессия была реализована русскоязычными практиками в рамках ежегодной минской лаборатории, когда одна группа двигалась в Беларуси, а другая, включая Полу Сэджер и Элизабет Хэмлин, в США. Впоследствии такой формат был предложен на европейской встрече практиков аутентичного движения [из переписки].

Интересно отметить, как на примере аутентичного движения пересекается тема технологической и нетехнологической виртуальности, и можно говорить о некоторой связанности этих феноменов. Речь идет не только о «движущем воображении», богатых юнгианских связях, используемых в некоторых направлениях практики [Whitehouse, 1999a; Chodorow, 1991], но также и о прямом опыте практики, когда в онлайн-сессии параллельно с технологиями связи используется что-то еще, когда сторонам «приходилось специально уделять внимание, представлять, что он [партнер по процессу] где-то там <...> и это похоже на то, когда мы делали дистанционные сессии без всяких онлайн, когда какой-то канальчик, какую-то связь создаешь — не то, что прям формулу: «я связываюсь с тобой», а просто что-то такое» (из интервью). По словам Айди, «наши случайные встречи с изменившимися технологиями происходят не только посредством мышц или телесной силы; они сталкиваются с гораздо более широкими и более глубокими представлениями о том, кто мы есть <...> включают в себя весь спектр наших желаний и фантазий» [Ihde, 2001: xii]. Говоря о нетехнологической виртуальности, он описывает свой опыт преподавания феноменологии, где он использовал эксперименты с образцов, «гуссерлевской тактики»: например, просил класс «представить себе то, что они на самом деле не сделали, но хотели бы сделать, а затем начать критическое феноменологическое описание этого воображаемого действия» [Ihde, 2001: 4]. Получая в ответ вариации на тему полета с примерами, заимствованными из прыжков с парашютом, Айди обнаружил два набора паттернов, которые обозначил как телесный (embodied) и бестелесный (disembodied) режимы парашютного прыжка [ibidem], каждая из перспектив является возможной [ibidem]. Точно также опыт аутентичного движения можно описать, опираясь на виртуальность — как технологическую, так и нетехнологическую.

Кейс: аутентичное движение онлайн в паре

Кейс представляет собой описание первой парной онлайн-сессии русскоязычных практиков, имеющих регулярный многолетний опыт аутентичного движения, и приводится на основании анонимного онлайн-интервью каждого из участников. Причина, по которой они использовали дистанционный формат, двойка. С одной стороны, оба участника высказали свой интерес к тому, чтобы протестировать новое, будучи осведомленными о различных экспериментах в данной области, в том числе онлайн: «попробовать мне было интересно давно, как минимум точно последний год». С другой стороны, у одного из участников возникла ситуационная необходимость: «чувствовал, что есть необходимость в собственной практике, и у меня не было с кем практиковать». Важными факторами были знание человека офлайн и уровень его компетенций в практике аутентичного движения, поскольку это может обеспечить доверие: «в этом конкретном случае для меня стал возможен онлайн благодаря тому, что перед этим было создано прочное взаимодействие офлайн».

Процесс состоял из двух сессий, по одной сессии для каждой из сторон, включающей процесс движения, переходное время и свидетельствование. Использовался «классический» парный формат, где есть движущийся и есть свидетель. К вопросу выбора технологий участники подошли основательно: предварительно созванивались и настраивали трансляцию, тестировали гаджеты, интернет, а также разные программы для работы видео со звуком (Skype, Facebook, Viber). По словам участников, процесс движения онлайн прошел почти как обычно, без видимой разницы в трекинге состояния. Исключение составило изменение в ощущении уровня безопасности, отмеченное одним из движущихся: «гораздо сильнее, чем обычно, было ощущение небезопасности и четкое понимание, прям чувствование на уровне ощущений, что мой свидетель находится далеко, что он не здесь». Второй движущийся отметил, что уровень безопасности обеспечивался тем, что он лично знал партнера по практике, и, сравнивая с сессиями без свидетеля (формат соло), заключил, что онлайн-свидетельствование обеспечивает больше безопасности: «мне этого достаточно».

Разница с офлайн-процессами в большей степени проявилась в свидетельствовании, где возникли разнообразные сенсорные эффекты, касающиеся, прежде всего, зрительного и звукового опыта. Оба участника отмечают «ограниченность и обрезанность формата» практики онлайн: «...Как какой-то кусок срезается. В визуальном ряде я не вижу многих деталей. В аудиальном ряде я не слышу как минимум всего спектра, а чаще вообще ничего не слышно». Речь идет об общем снижении ясности, четкости, а также о технических сбоях, когда сенсорный поток прерывается или искажается. Проявились и некоторые особенные моменты, касающиеся практики. Например, используя типовое оборудование, невозможно установить контакт глазами: когда один человек смотрит в камеру, он перестает видеть в фокусе другого человека. Возможно, большинство людей не рефлексируют свою направленность внимания и не отмечают этот факт. Но тех, кто привык начинать сессию практики с контакта глазами, это сбивает и заставляет искать решение проблемы, потому что «этот контакт нужен — объединение пространств». Еще один специфический пример — когда ограничение зоны видимости изменяет

некоторые ритуалы практики, вынуждая озвучивать то, что прежде было беззвучным действием (например, касание пола в конце процесса, «заземление»).

Технические ограничения отчетливо влияют на воспринимаемое качество контакта между участниками. Проблема формулируется как «отсутствие очного присутствия», когда партнер ощущается неполноценно по сравнению с очными сессиями аутентичного движения: «Все-таки человек не совсем тут рядом со мной, все-таки я его ощущаю не всем телом — [не] слышу все его звуки, [не] ощущаю его тепло, присутствие или еще что-то. Я воспринимаю его больше глазами и ушами, а все остальное тело не очень-то участвует». Мнение второго участника созвучно: «Это, знаешь, как бы тоже партнер, но который смотрит на тебя сквозь какую-то дырочку, через трубочку. Он как бы тот, но это какая-то часть его, это какой-то кусочек его, какой-то срез его. Его хочется больше на самом деле. Вот не хватает. Вот сейчас понял, что не хватает. Но обходишься тем, что есть». Безусловно, совместное присутствие и поддержка в процессе онлайн-практики признается: «Я совершенно точно знаю, что меня свидетельствуют». Близость ощущается, особенно с учетом того, что участники знают друг друга лично, но это может происходить несколько иначе, чем в обычных процессах аутентичного движения: «[Онлайн формат] в чем-то отдаляет, а в чем-то сближает. [Он] дает возможность быть в контакте с кем-то, кто на самом деле далеко, но при этом сам контакт мной, например, воспринимается как далекий очень, и только постепенно он наполняется, сближается <...> Проговор помогает постепенно заполнить пространство». Современные технологии дают возможность встречи, которая была бы невозможна раньше. Но они же приводят к некоторой неопределенности и отвлечению: «вместо того чтобы углубляться в процесс, мы тут решаем, по какому мессенджеру нам созвониться, чтобы лучше слышать». В результате, участникам приходится прилагать дополнительные усилия, «немного больше себя включать в процесс, чтобы больше чувствовать отклика и резонанса». В условиях нехватки контакта в режиме видео, чтобы не скатываться в свидетельствование «автоматически», требуется больше внимания, которое может переходить в намерение создать дополнительную связь, как при виртуальных форматах, «без всяких онлайн».

В сравнении с обычной практикой, если таковая возможна, онлайн-версия уступает, в некоторой степени редуцируя опыт аутентичного движения: «не могу сказать, что у меня что-то добавилось, скорее выпало». Происходит «обеднение» в состоянии свидетельствования, когда «очень сложно поймать какой-то свой эмоциональный или телесный отклик». Те, кто практикует аутентичное движение давно, а также интенсивно развивает не только навыки собственной телесной осознанности, но и навыки свидетельствования, соприсутствия, онлайн-форматы с учетом всех несовершенств технологий могут воспринимать скорее как вынужденный «костыль» или «возможность пережить время до следующего офлайна». При наличии офлайн-практики как таковой потребности в онлайн часто просто не возникает, если только в виде желания поддерживать связь с особыми, «близкими» людьми. Таким образом, мы можем наблюдать ситуацию, когда технологическое опосредование, с одной стороны, расширяет возможности практикующих аутентичное движение, позволяя проводить сессии на расстоянии, а с другой стороны (по крайней мере, на данном этапе технологического развития), редуци-

рует и некоторым образом изменяет телесно-чувственный опыт, особенно в том, что касается свидетельствования.

Виртуальные группы практики соло

Как уже упоминалось выше, практика аутентичного движения подразумевает роль свидетеля как базовую. Поэтому формат соло, движения в одиночестве, хоть и известен как в мире, так и в России, воспринимается большинством как мера, продиктованная обстоятельствами. Новым в этом формате является создание и развитие практики виртуальных соло-групп, ниже приводятся примеры двух подобных направлений. Первое направление, «Аутентичное движение Соло» Олеси Бондаревой, возникло совсем недавно и представлено в нескольких социальных сетях, как глобальных, так и преимущественно русскоязычных, а также в специальном разделе на сайте Олеси. Помимо постоянных групп есть также временные, посвященные отдельным мероприятиям. По показателям численности подписчиков в социальных сетях это направление вполне сравнимо с лидерами офлайн-форматов в рунете. Второе направление, «Осознанное движения» Марии Гусевой, возникло раньше, но имеет несколько меньший медийный вес, поскольку анонсируется только на общих ресурсах Марии, которая также занимается рядом других практик.

Рассматриваемые направления в некоторой степени похожи, в том числе в том, что касается истории их образования. Необходимость в виртуальности во многом обусловлена образом жизни основательниц, которые поменяли место жительства, часто путешествуют, оторваны от постоянных групп, но практика аутентичного движения им близка и интересна. Не менее важная предпосылка состоит в том, что каждая развивает целый комплекс телесных практик, занимаясь этим продолжительное время и работая в интернете. Несмотря на то, что онлайн-группы практики соло являются достаточно новыми, они вполне вписаны в портфель других практик. Таким образом, стремление идти своим путем, иметь собственное видение и индивидуальные предпочтения, а также практиковать смешение разных направлений телесной работы во многом определяет специфику онлайн-форматов соло, которые предлагаются. В каждом из рассматриваемых направлениях используется свод письменных инструкций, аудиозаписей ведения процессов, возникает централизованная функция координации и онлайн-поддержки групп — в этом, наряду со смещением роли свидетельствования, состоит их существенное отличие от групп офлайн, где можно погружаться в практику практически сразу, где стихийно образуются для совместной практики группы равных. В соло-группах критически важным моментом является ведение, роль инструктора — Марии или Олеси, таким образом решается вопрос дополнительной поддержки.

Можно обнаружить и существенную разницу между этими направлениями. Так, в практике осознанного движения почти нет внешнего свидетельствования и peer-to-peer коммуникации между участниками, которые контактируют с инструктором; виртуальные группы носят скорее организационный характер. В практике аутентичного движения соло информацией о практике можно делиться в закрытых группах, есть также попытки свидетельствовать проговаривания движущимся собственным опытом, как в аудиорежиме, так и в виде текстов, рисунков, коллажей.

Процесс возникновения онлайн-групп соло только начинает разворачиваться. Практики традиционных форм аутентичного движения с интересом следят за тем, как это происходит, но далеко не все разделяют такой подход. Не все готовы признавать виртуальное соло аутентичным движением, считая его нарушением принципов аутентичного движения. Несмотря на экспериментальную и интегративную природу аутентичного движения, позволяющую практике развиваться в самых разных направлениях, в данном случае речь ведется о недостаточности поддержки, необходимой как для обеспечения безопасности, так и для долгосрочного формирования навыков. С другой стороны, новый формат пытается расширять аудиторию, делая саму практику более доступной и пересматривая принципы в сторону существенной демократизации, при этом все же пытаюсь обеспечить поддержку через инструменты личного ведения групп, приватности, и других.

Кейс: аутентичное движение соло

Направление аутентичного движения соло было выбрано для более пристального анализа по причине наличия большого количества информации. Но даже в этом случае, когда практика представлена на многочисленных ресурсах интернета, необходимо уточнить, что группы в социальных сетях закрыты, соответственно, материалы из них не приводятся с целью соблюдения этических норм. Источниками информации о практике стали открытые разделы форума, канал Instagram, а также интервью. На форуме в структурированном виде размещены материалы общего характера, тогда как в Instagram к этому добавляются материалы от лица практиков — выдержки из дневников, творчество, отзывы: фактически, Instagram — единственное место, где в сети можно увидеть открытую информацию о практике аутентичного движения соло от первого лица. На момент подготовки статьи каналу меньше года, за это время в нем накопилось 248 постов и достаточное количество материалов, которые можно анализировать.

Практика аутентичного движения соло представляется как «экспериментальный формат <...> аутентичного движения», «соло-формат с поддержкой виртуальной группы» [форум]. По словам ведущей, предложение наиболее актуально для тех, кто в силу тех или иных обстоятельств «физически не может присоединяться к офлайн-группам» [из переписки]. Начать практику можно самостоятельно, изучив предложенные материалы, можно также присоединиться к виртуальной группе и live-мероприятию, которое ведет Олеся, или же пройти один из регулярных «интенсивов». Пошаговая инструкция, размещенная на форуме, включает предварительное чтение вводных текстов «о практике, о внутреннем свидетеле и о наших правилах свидетельствования друг друга в группе», выбор места, «где вас никто не побеспокоит» и времени практики, настройку, после которой нужно будет закрыть глаза и «просто позволить телу двигаться так, как оно захочет», время перехода, после которого можно написать о своем опыте и поделиться им в группе, чтобы принять свидетельствование и поддержку группы. Обозначается важность регулярности практики, возможности делиться чувствами и задавать вопросы. Безопасности уделяется особое внимание, что отражается в комментариях относительно выбора места, непричинения вреда во время движения, правил группы, закрытого статуса группы и др. [форум]. Подразумевается, что, в отличие

обычных групп практики аутентичного движения, где присутствует поддержка со стороны ведущего и самой группы, онлайн-формат «независимый, взрослый, в контакте с реальностью» [из интервью].

Как и в случае использования интернета практиками офлайн-форм аутентичного движения, в случае соло можно наблюдать противоположные тенденции к закрытости и открытости информации. Группы практики остаются закрытыми, обеспечивая безопасность участников, в то время как фокус внимания в практике соло естественным образом замыкается на самом движущемся: на основании текстового анализа, это практика «я» (1376 упоминаний), следующим идет безличное «это» (361), потом «он» (298) и «она» (156), названные субъекты отстают существенным образом: «человек» (64), «ребенок» (40), «женщина» (35), «свидетель» (33), «мужчина» (25), «друг» (24). Но одновременно с этим небольшое «окно» в практику в виде публика Instagram говорит о важности персонализации «других» и открытости, которые необходимы для обеспечения доверия к практике даже на самом начальном этапе информирования о ней. Безусловно, Instagram диктует особый визуальный формат представления материалов, обуславливая наличие не только текстов, но еще и визуальных материалов в каждом посте: в основном это фотографии (140), коллажи (39), рисунки (31), а также прочие изображения (37); много природы (70), но видимы и лица практикующих, Олеси (40) и других (11). Из текстов на канале больше представлены дневники практики (132), включая анонимные (53) и подписанные именами участников (79). Встречающиеся на канале имена повторяются: это 22 человека, каждый из которых написал от 1 до 13 историй. Но сами посты практически не повторяются (всего три повтора). Про свою практику в формате дневников пишет ведущая (3). Небольшую выборку личных постов составляют отзывы на практику (21), среди которых всего два анонимных.

Таким образом, вместо виртуальных сообществ, которые могли представляться максимально обезличенными и оберегающими свою персональную информацию, здесь можно наблюдать живые лица и истории, которые анонимизированы менее чем в половине случаев. Именами участников подписано 90 постов, именем ведущей — 60, еще некоторое количество участников согласилось опубликовать свои материалы анонимно (54). Паблик представляет собой модерлируемый ресурс, но нельзя не отметить стремление ведущей группы, а также согласие ее участников делиться и открываться. Виртуальная группа не представляет собой обезличенного технологического другого, квазидругого. Напротив, для целей практики требуется максимум человеческого. Пусть это может проявляться не в телесном ощущении со-присутствия, а в готовности делиться глубоко личным опытом — историями, рисунками, фотографиями, коллажами. Индивидуализация виртуального пространства группы, наличие контакта, желательно длящегося, является важным условием, при котором такая практика становится возможной. Эту гипотезу косвенно подтверждает информация из интервью о тенденциях перехода живой коммуникации из многотысячной группы в маленькие группы интенсивов, где участники, пусть и виртуально, но тем не менее знают друг друга и имеют совместный опыт на протяжении определенного времени.

Участники практики сфокусированы на телесно-чувственном измерении, но в их опыте присутствуют также время, пространство, концепции. Через дневнико-

вые записи, несмотря на разнообразие материала, можно наблюдать некоторую степень интеграции, совмещение разных пластов, которые мы можем относить к разным «реальностям». Например, находясь у себя дома в процессе практики, слушая голос ведущей, можно также услышать виртуальный «дождь на заднем фоне» (из дневников практики в Instagram), и он вызовет эмоции, воспоминания, движения, о которых потом можно написать в группе или чате — и, может быть, услышать, как это отзывается в опыте другого человека. По-прежнему оставаясь в рамках условной технологической медиации и виртуальных связей, можно обнаружить осязаемость опыта, но как сопоставить этот опыт с тем, что может быть в актуальном совместном присутствии (и нужно ли это сопоставлять)?

Заключение

Возвращаясь к словам одного из практиков аутентичного движения о том, что «если чего-то нет в интернете, значит этого нет в природе», отметим, что интернет, очевидно, становится местом, которое трудно миновать даже нишевым телесно-ориентированным сообществам. Интернет — это не просто технологический фон, но пространство коммуникации, проницаемый интерфейс которого связывает практиков. Тем, кто не имеет представления о том, что такое аутентичное движение, интернет предоставляет своего рода виртуальный тур в практику на основании обширного нарратива, а также разного рода визуальных материалов. Таким образом, технологическая медиация представляет возможности расширения потенциальной аудитории практики и настройки публичности в каналах коммуникации; также она помогает получить опыт практики онлайн, недоступный офлайн в силу обстоятельств, времени и расстояния. При этом современный уровень технологического развития не может обеспечить качество совместного присутствия, сопоставимое с офлайн, что особенно ярко выражается в опыте свидетельствования как редуцирование телесно-чувственного опыта. Требуется усиленная персонализация ведущего и других участников даже в таких достаточно радикальных, digital-native форматах, как онлайн-группы практики соло, переход к которым местами вызывает скептицизм в сообществе практиков, пользующихся интернетом для популяризации, но не для практики. Можно наблюдать активный процесс со-развития технологий и практик, которыми наполняется виртуальное пространство, благодаря тем людям, кто его наполняет его своим непосредственным участием. Но не хотелось бы переоценивать технологии — по крайней мере пока чат-бот не сможет заменить человеческого свидетеля в практике аутентичного движения, а возможно, и наличие человеческой обратной связи в других практиках, где она была бы полезна.

Список литературы (References)

- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Latour B. (2014) Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (in Russ.)

- Соколова Е. (в печати) Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 2 // Социология власти. 2018.
- Sokolova E. (2018) Physical presence in geolocation games. Part 2. Sociology of Power. (In print) (in Russ.)
- Adler J. (2002) *Offering from the Conscious Body: The Discipline of Authentic Movement*. Rochester, Vt: Inner Traditions.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L., Marcus G. E. (2012) *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press.
- Borgerson J., Miller D. (2016) Scalable sociality and How the world changed social media: conversation with Daniel Miller. *Consumption Markets & Culture*. Vol. 19. No. 6. P. 520—533. <https://doi.org/10.1080/10253866.2015.1120980>.
- Chodorow J. (1991) *Dance Therapy and Depth Psychology: The Moving Imagination*. First Edition edition. London; New York: Routledge.
- Hamlin-Haims L., Sager P. (2002) The Red Thread. Moving and Witnessing From Long Distance. *A Moving Journal*. Vol. 9. No 1. P. 17—19.
- Ihde D. (1975) The Experience of Technology: Human-Machine Relations. *Philosophy and Social Criticism*. Vol. 2. No. 3. P. 267—279. <https://doi.org/10.1177/019145377500200304>.
- Ihde D. (1979) *Technics and praxis*. Pallas Paperbacks edition. Holland/Boston, Pallas Paperbacks/D. Reidel Publishing Company.
- Ihde D. (1998) *Expanding Hermeneutics: Visualism in Science*. Evanston: Northwestern University Press.
- Ihde D. (2001) *Bodies In Technology*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ihde D. (2007) *Listening and Voice: Phenomenologies of Sound*. 2nd ed. New York: State University of New York.
- Ihde D. (2009) *Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures*. SUNY Press.
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 110(15), 5802—5805. <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>.
- Madianou M., Miller D. (2013) Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 169—187. <https://doi.org/10.1177/1367877912452486>.
- Miller D., et al. (2016) *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.
- Nardi B. (2010) *My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J. (2015) Digital Ethnography: Principles and Practice. 1 ed. Los Angeles: SAGE Publications Ltd.

Verbeek P.-P. (2005) What things do: Philosophical reflections on technology, agency, and design. Penn State Press.

Whitehouse M. S. (1999a) C. G. Jung and Dance Therapy. Two Major Principles. In: Authentic movement: Essays. Mary Starks Whitehouse, Janet Adler and Joan Chodorow. P. 58—62. London: Jessica Kingsley Publishers.

Whitehouse M. S. (1999b) Reflections on a Metamorphosis. In: Authentic movement: Essays. Mary Starks Whitehouse, Janet Adler and Joan Chodorow. P. 58—62. London: Jessica Kingsley Publishers.